

Туниманов, В. **Доброе слово Бориса Васильева [Текст] : [фрагмент статьи о романе «В списках не значился»]** / В. Туниманов // Васильев, Б. **А зори здесь тихие... Не стреляйте в белых лебедей. В списках не значился** / Б. Васильев. – Л.: Лениздат, 1980. - С. 487-489.

Роман «В списках не значился» — взволнованное и патетическое повествование о подвиге одного из защитников Брестской крепости. О героях Бреста написано немало, и, конечно, всем памятна талантливая документальная книга С.С. Смирнова. Роман Васильева также имеет документальную основу — писатель рассказал в эпилоге, из каких реальных брестских впечатлений возник замысел книги. Но реальные впечатления лишь фундамент романа. Быль здесь тесно переплелась с народной легендой о герое, имя которого — Николай и воинское звание — лейтенант, фамилия же осталась неизвестной. Роман написан в ином стилистическом ключе, чем повесть «А зори здесь тихие...», что вполне понятно и закономерно, так как его герой — личность легендарная, последний защитник так и не склонившей головы крепости.

Смерть героя — апофеоз свободы и бессмертия. Патетический финал — венок мужественному сыну непокоренной Родины, история, возведенная на уровень легенды.

Борис Васильев обычно предпочитает ситуации крайние, необыкновенные, на пороге жизни и смерти, мира и войны, сюжеты динамичные и усложненные, резкие психологические контрасты. Подготовка к действию, введение или экспозиция отличаются краткостью. Не исключение и роман «В списках не значился». О прошлом лейтенанта Плужникова сказано скупое и не без легкой иронии. Николай Плужников очень молод, и его эмоции и мечты, соответственно, очень молоды, как молодо и потому наивно, ясно, безоблачно отношение к жизни.

Война в один миг дочиста выветрила как прежние настроения, так и вполне понятное, естественное тщеславие молодого командира Красной Армии. Николаю очень скоро пришлось узнать, что командир он еще плохой, а его первые действия на войне совершенно справедливо квалифицируются как преступление, за которое по армейским законам полагается расстрел. Наступает время беспощадного суда над собой. Юный лейтенант Плужников умер в первый же день войны, сразу став человеком без возраста, молодость которого сгорела без остатка в страшном и безжалостно уничтожающем иллюзии огне. Плужников, сполна уже заплатив по счету войны, равнодушно отворачивается от своей новой командирской шинели, как от ушедшего прошлого. «Он сидел на полу, не шевелясь, угрюмо думая, что совершил самое страшное — предал товарищей. Он не искал оправданий, не жалел себя — он стремился

понять, почему это произошло. «Нет, я струсил не сейчас,— думал он.— Я струсил во вчерашней атаке. После нее я потерял себя, упустил из рук командование. Я думал о том, что буду рассказывать. Не о том, как буду воевать, а что буду рассказывать...».

Николай Плужников стал бойцом невидимой армии ночных мстителей Бреста — неуловимых и, казалось, заговоренных от смерти. «Израненные, опаленные, измотанные жаждой и боями скелеты в лохмотьях поднимались из-под кирпичей, выползали из подвалов и в штыковых атаках уничтожали тех, кто рисковал остаться на, ночь. И немцы боялись ночей».

Герои Бреста «умирали, не срамя», приближая в страшные первые месяцы войны очень тогда далекий день победы. Они знали, что обречены, но продолжали сражаться, бросая вызов смерти. Умирали непобежденными. «Человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя»,— говорит Плужников. Эти слова — не красивая фраза, не патетическая декламация, они — героическая формула Брестской эпопеи. А также — пророческое предвидение лейтенантом Плужниковым собственной судьбы. «Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ».

Политрук, фельдшер, старшина Семишный, завещавший Плужникову перед смертью знамя полка,— звенья единой, прочной и вечной цепи. Николай с отчаянием кричит в первый день войны: «Пустите! Я в полк должен! В полк! Я же в списках еще не значусь!» Не суждено было Плужникову найти свой полк и быть зачисленным в списки. В апрельские дни 1942 года, после десяти месяцев невыносимых испытаний, великих потерь и побед, он уже не думает ни о списках, ни о личной славе. Не сожалеет и о том, что его имя затеряется в бесконечном мартирологе безымянных героев, неизвестных солдат. «Он уже не ощущал своего «я», он ощущал нечто большее — свою личность... И спокойно сознавал, что никому и никогда не будет важно, как именно звали эту личность, где и как она жила, кого любила и как погибла. Важным было одно — важным было, что звено, связывающее прошлое и будущее в единую цепь времени, было прочным».

Лейтенант Николай Плужников имел высшее, подвигом данное право так думать. Но в одном он ошибся — потомкам вовсе не безразлично, как жили и как погибли героические защитники Родины.

Последние месяцы жизни лейтенанта Плужникова — каждодневный подвиг человека, продолжающего сражаться несмотря ни на что, в одиночку. Героическая эпопея, символизирующая великую нравственную победу советского воина.